

ПОСЛЕДНИЕ
ИЗВЕСТИЯ

В Ленинграде в Эрмитаже открылась **ВЫСТАВКА КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ**, перенесенная из Москвы. Эрмитаж пополнил выставку экспонатами своих богатейших коллекций по Китаю. Это придает ей особую полноту и ценность. (Роста).

КРАЕВЕД АНДРЕЕВСКИЙ обнаружил в Вологде ценный архив, содержащий уникальные документы о деятельности «РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ». Архив дает ряд новых фактов о деятельности русских купцов на Востоке, вскрывает исключительные по своей жестокости преступления русского капитализма на Дальнем Востоке. (Роста).

Дневник
Литературной газеты

22 ИЮНЯ Происходящий в Харькове первый всеукраинский съезд писателей вылился в подлинный праздник и демонстрацию достижений украинской культуры, неразрывно и кровно связанной со всей советской культурой. К работе писательского съезда привлечено внимание самой широкой украинской общественности. Руководители партии, правительства, представители заводов и колхозов с трибуны съезда поставили перед писателями ряд задач социалистической литературы. Одновременно все они отметили, что литература советской Украины читается миллионами, что произведения украинских писателей имеют доступ в самые широкие массы.

Общественный резонанс украинского съезда — как и других съездов писателей, происходящих сейчас по всей стране — является ярким свидетельством успехов советской литературы, достигнутых на основе решения ЦК о перестройке литературно-художественных организаций, свидетельством того, что в социалистической стране литература стала делом миллионов, что у нас создается литература по-настоящему народная. Как смешны и убоги на этом фоне обанкротившиеся попытки украинских националистов доказать «кризисное состояние» советской литературы и оттянуть украинскую культуру от живого бурно растущего тела советской культуры в жертву «культуры» фашистской!

Украинский съезд еще раз продемонстрировал творческое богатство советской литературы Украины. За последний год, по инициативе А. М. Горького, предпринята большая работа по ознакомлению с литературой народов СССР. В частности, украинская комиссия Оргкомитета СССР, возглавляемая А. И. Стециным, сумела обеспечить перевод в отношении московских издательств к произведениям украинских писателей, она оказала украинским писателям и большую организационную помощь и большую творческую — обсуждением произведений отдельных писателей.

Но перевод этот необходимо закрепить. Еще медленно издаются у нас книги писателей народов СССР, еще плохо и мало они переводятся. Темпы издания украинских книг также совершенно недостаточны. Работа съезда писателей Украины, как и состоявшегося на несколько дней раньше его белорусского съезда и др., обязывает издавать литературу народов быстрее и лучше.

Русским писателям пора уже не только знать творчество писателей украинских, грузинских, белорусских и др., но и изучать их опыт, их борьбу. Поймимся здесь есть чему.

«Победоносный пролетариат, руководимый партией и правительством, неистощимый в проявлениях своего созидательного творчества, воплотил в жизнь революционную легенду своего великого пролетарского писателя. Могучий борец рвет над страдой социалистического труда и на

грудь его — имя Максима Горького» — так заканчивают свой эскапист. Сталин, Каганович, Молотов, Ворошилов, Орджоникидзе, Горькому и «Правде» инициаторы, организаторы и строители «Максима Горького».

Многим замечательным этот замечательный самолет, этот крылатый агитатор нашей партии, вояка колонны стальных птиц советской агитационно-культурной авиации, это живое олицетворение грандиозных побед нашей авиационной техники.

Он замечательен тем, что это самый большой в мире сухопутный самолет.

Он замечательен тем, что весь целиком и полностью построен из советских материалов и поставлено на нем восемь мощных советских моторов.

Он замечательен тем, что сконструирован и построен советскими инженерами и рабочими.

Он замечательен и прибором автоматического пилота, и приспособлениями для ночных полетов и «слепой посадки».

Он замечательен тем, что это не просто самолет, а одновременно и огромный авиационный комбайн, состоящий из редакции, фотокабинета, звукового кино и кинолаборатории, радиостанции, электрической и телефонной станции, типографии с ротационной машиной и т. д.

Он замечательен... да многим замечательным этот замечательный самолет.

Но самое замечательное в нем другое. И это другое — то, что он необычайно ярко показывает всю мощь и влияние советской литературы, советской печати.

Давно ли человек «чужесного сплав», журналист и авиатор, путешественник и организатор, редактор и хозяйственник, неутомимый Михаил Кольцов выдвинул на страницах «Правды» предложение о создании «Максима Горького». И вот этот гигант готов. Он совершает свои первые полеты.

Проектировали и строили этот самолет не только «умные руки» инженеров и рабочих краснознаменного ЦАГИ, во главе с А. Н. Туполевым, а и писатели, журналисты и читатели страны социалистических Советов и строили не на государственные средства, а на добровольно собранные напим миллионноглазых читателей.

И этот гигантский коллектив — вся читающая страна Ленина — Сталина, воплощая в изумительную реальность сказочную фантазию Максима Горького о буревице, является подлинным творцом этого чуда советской авиации.

«Соединенными усилиями большевистской печати, советской науки, социалистической промышленности закончена постройка и проведен ряд испытательных полетов величайшего в мире сухопутного самолета «Максима Горького».

В строй советских политико-культурных организаций наряду с большевистской печатью, политехниками ОГПУ, театром им. Мейерхольда, вошел и самолет «Максим Горький».

Привет гигантскому крылатому агитатору! Привет «Максиму Горькому»!

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

№ 79 (395)

22 ИЮНЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ЧТО ВЫ ЧИТАЕТЕ?

БЕСЕДЫ С ГЕРОЯМИ — ЛЕТЧИКАМИ И ЧЕЛЮСКИНЦАМИ О ЛИТЕРАТУРЕ

И. БАЕВСКИЙ,
зам. начальника
экспедиции

ПУШКИН В ЛАГЕРЕ ШМИДТА

Разрешите, я в другой раз побеседу с вами на интересную тему. А сейчас мне хотелось бы рассказать, как мы читали Пушкина на льду.

Какие книги были у нас в лагере? В моем походном рюкзаке был томик Пушкина. Семенов захватил гамзуну.

Леваневский: Да брось ты. Читаю, как все. Может быть, немного больше, особенно в ожидании полета и в перерывах. Но как-то далеко не все прочитанное запоминаю. В основном пишу за это принимаю на себя, но разрешите часть ее переложить и на книги. Я об этом еще скажу. Что же я читал все-таки? «Пусим» читал. Очень внимательно, потому что знал автора лично и он очень мне нравился. «Пусим» — прекрасная книга. Это ценный исторический документ. Надо вам сказать, что я немного работал над материалом того времени, в частности специально интересовался разложением высшего командования. Как верно все это дано. И стиль книги. Внешне сухой и лаконичный, но огромный внутренний накал. Еще очень мне понравился «Тихий Дон». Я, знаете, когда мы приезжали под Тюменью, как пришли к озеру, так и простоял несколько часов. Все смотрел, вспоминал. Мне там каждая кочка знакома. В этих местах я с белыми воевал. Как ярко описана в «Тихом Доне» гражданская война во всей ее несправедливости и красоте. Люблю книгу Гайдара «Дом» и чуть поменьше «Энергия».

Зоменко — хороший писатель. Правда, я не склонен к юмору, как-то не воспринимаю... Из иностранцев, конечно, Синклер. «Джунгли», например. Потом Джек Лондон... Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

А. ЛЕВАНЕВСКИЙ. Герой Советского Союза

СЕВЕР И КНИГИ

Что же я читал? Не припомню сразу...

Решетников: Не верьте, он читал странно много. Он платает книги.

Леваневский: Да брось ты. Читаю, как все. Может быть, немного больше, особенно в ожидании полета и в перерывах. Но как-то далеко не все прочитанное запоминаю. В основном пишу за это принимаю на себя, но разрешите часть ее переложить и на книги. Я об этом еще скажу. Что же я читал все-таки? «Пусим» читал. Очень внимательно, потому что знал автора лично и он очень мне нравился. «Пусим» — прекрасная книга. Это ценный исторический документ. Надо вам сказать, что я немного работал над материалом того времени, в частности специально интересовался разложением высшего командования. Как верно все это дано. И стиль книги. Внешне сухой и лаконичный, но огромный внутренний накал. Еще очень мне понравился «Тихий Дон». Я, знаете, когда мы приезжали под Тюменью, как пришли к озеру, так и простоял несколько часов. Все смотрел, вспоминал. Мне там каждая кочка знакома. В этих местах я с белыми воевал. Как ярко описана в «Тихом Доне» гражданская война во всей ее несправедливости и красоте. Люблю книгу Гайдара «Дом» и чуть поменьше «Энергия».

Зоменко — хороший писатель. Правда, я не склонен к юмору, как-то не воспринимаю... Из иностранцев, конечно, Синклер. «Джунгли», например. Потом Джек Лондон... Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Я в прошлом году разговаривал с Сингером. Он говорит: «Не полечу больше на Север. Все описано». Да, ничего не описано. Хотя бы «Таган». Что ж, хорошая книга. Все правильно, честно изображено. Но — не то. И другие книги о Севере тоже. Я их не мало прочитал, моя норма — пятьсот страниц в сутки.

Что вы улыбаетесь, проговорился? Так вот о Севере. Возьмите эти драмы, в которых пришлось мне ждать полета. Яранга — это хитрая такая. Деревянный скелет, обтянутый

молочной кожей. Вот Решетников покажет. Федя, ну суй. Вилито, в этой большой позолоте живут собаки, а другая — меньшая, завешана медвежьей پوستью. Здесь люди. Стоять в полдень рост невозможно. И спертый воздух. Я лежал разбитый, с повышенной температурой и все просил вывести меня на море: невозможно дышать. А ведь на море тоже не сладко.

Нет, я не люблю Север так, как любят его иные. Но я хочу работать только на Севере. Он привлекает меня как арена захватывающей борьбы. С природой, с некультурностью. Эта борьба идет, и как успешно. Я кое-что рассказывал оныжам писателям о ней, и они говорили потом, что им было очень интересно. Но ведь хотелось бы, чтоб рассказывали они, а интересно было — мне!

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

Вот о нем хотелось бы сказать больше. И не о нем даже, а вы мне ответьте: почему у него так не пишешь? Нет, мне вовсе не экзотика нужна, я ее не люблю, честное слово. Экзотика — она дикость, всей своей работой мы ее в гроб вгоняем. Да и индейцев я видел недавно, когда пролетал на Юконе, — они совсем другие, чем у Лондона, и дело тут даже не в количестве прошедших лет. Я Джека Лондона люблю не за материю, но книги должны быть волнующими, полными борьбы и событий. Ведь есть же сколько угодно материала для таких книг. Возьмите советский Север...

В день приезда челюскинцев и героев летчиков «Правда» совместно с Издательством выпустила альбом, посвященный популярной экспедиции «Челюскин». Мы воспроизводим обложку альбома.

ЗА РУБЕЖОМ

КНИГИ, НЕ ЗАМЕЧЕННЫЕ КРИТИКОМ

Известный американский левоуказный журнал «Нью рипаблик» провел любопытную анкету среди ряда американских критиков и писателей на тему о «книгах, незамеченных пропущенных критикой».

Анкета вызвала большой интерес в американских литературных кругах. На призыв редакции откликнулись Синклер Льюис, Джон Дос-Пассос, Скотт Фицджеральд, Клифтон Фэмили, Натан Аш, Эдмунд Вильсон и другие. Все они прислали список книг, которые, по их мнению, были пропущены или не замечены издательствами или критикой. Дос-Пассос прямо обвинил американскую критику в слепоте и неумении разбираться в «настоящем» художественном материале. Вкус: большинство наших профессионалов критиков, — пишет он, — настолько критицистичны и зашуганы в потоке книг и рекламной шумихи, что они уже не в состоянии разобраться как следует в своей работе».

Почти все участники анкеты упоминали книги, или совсем не замеченные критикой или затерявшиеся на книжных полках по вине критиков, или предпочитавших проталкивать в первую очередь всякий бульварный хлам. Среди таких книг — большинство романов с рабочей тематикой. Дос-Пассос называ-

ет здесь «Дочь земли» Агнессы Смагли, «Никто не голодает» Катерины Бронн, «Терпи и смейся» Роберта Кантвелла и «Обездоленные» Конрад.

Критик Ньютон Арвин добавляет к этому списку «Стачку» Марн Хитон Ворс, а Роберт Коуте, бывший литературный редактор журнала «Нью-Йоркер» — роман Кенната Барке «К лучшей жизни».

Значительное количество названных в анкете книг является переводами с французского и немецкого, что подтверждает характерное незнакомство американского литературного рынка к иностранной литературе. «Иностранцы в Америке» называются, но не читаются, как сострига в свое время Гейри Менкен. Среди незамеченных критикой «иностранных» называются «Война» Людвиг Ренца, роман «...и Но» Жака-Рене Блока, «Плывущий коневенный завод» японского пролетарского писателя и «Золотой теленок» Ильфа и Петрова. «Золотой теленок» упоминают в анкете несколько раз. «Не заметить эту книгу особенно неприятно, — пишет Сюзанна Да Фоллет, — о ней еще мало знают в Америке, а между тем эта книга — верный до последней страницы — самое удивительное из всего, что я прочла за последние десять лет».

А. СЕРГЕЕВ.

АЛЬБОМ ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА

В ближайшее время выходит в свет двухтомный «Опыт автобиографии» Герберта Уэллса (издание Голландии и Крессет). Это, по мнению, очень волнующее и малоизвестное произведение: судим по интервью в «Обсервер», в котором сам Уэллс подводит итоги своей жизни.

Говорили, что последние значительные события в жизни человека происходят тогда, когда человеку десять лет от роду. Я думаю, что это не точно: надо отнести этот предел до тридцати лет. После тридцати лет в моей жизни не было значительных событий. Вся эта штука (т. е. жизнь) оказалась тихим и нехитрым делом.

Интервьюер спросил: «Можно ли озаглавить вашу автобиографию по-бальзовски: «Утраченные иллюзии»?»

О боже, нет! — ответил Уэллс. — Когда я начинал, у меня не было никаких особых иллюзий, которые можно было бы современно потерять... За 67 лет моей жизни в Англии произошли огромные перемены. В 1866 г. большинство населения не умело читать или, во всяком случае, не считало нужным читать

книги. Железные дороги и телеграф были еще новостью. Расстояния были огромными. Мы считали, что Япония находится где-то бесконечно далеко от нас, не в этом, а в потустороннем мире. Мы представляли себе ее как страну габриетовских и сыновьяновских «миллионов». После этого были войны и экономические кризисы. Решительно изменился самый облик человеческой деятельности, и все мы должны были пережить последствия этого изменения.

— Ну и как, — спросил интервьюер?

В целом, — сказал Уэллс, — жизнь была для меня очень приятным развлечением.

Уэллс сообщил затем своему собеседнику, что все события своей жизни он запечатлел для нас в альбоме в виде зарисовок: у него сегодня были в гостях, какие видели красивые места и т. д. Это, — пояснил Уэллс, — служило нам, мне и жене, очень приятным времяпрепрово

ЗНАМЯ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РЕЧЬ А. И. СТЕЦКОГО НА ПЕРВОМ ВСЕУКРАИНСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Товарищи, мы оторвались от нашей непосредственной работы и летели сюда с какой-то целью, чтобы принять участие в этом радостном для нас событии — первом съезде украинских писателей. Он для нас так же важен, как и для всех здесь присутствующих. Московские писатели летели на самолете, несмотря на то, что многим это грозило неприятными переживаниями, чтобы попасть как раз к открытию съезда и передать привет союзного Оргкомитета и русских писателей. (Аплодисменты).

Я вам должен передать привет от той организации, где работаю: от ЦК ВКП(б). (Бурные аплодисменты. Возгласы: «ДЗЯВІТАЎ ТОВАРИСТІ!»).

Товарищи, когда мы слушали здесь пространственные доклады об украинской литературе, мы чувствовали в них запах пороха недавней борьбы, которая здесь происходила, борьбы с националистами, борьбы с теми, кто хотел предать нашу родину, предать Советский союз и предать советскую Украину. Эта борьба разгоралась неслыханно на ваших глазах, многие были ее участниками, ее свидетелями, она разгоралась здесь, и многие знают тех, которые оказались по ту сторону баррикад, тех, которые вели полнокровное дело социализма, тех, которые хотели предать советскую Украину. Многим пришлось рвать личные отношения и личные связи. Этих людей вы знали, но, товарищи, в таких случаях, где дело идет об основном, о нашем кровном, о деле социализма, там не может быть никакой пощады, там нецелесообразно никакое примиренчество, там нужно ставить крест над всеми своими отношениями, и тем, кто изменил нашей родине, родные дружились, этим изменникам родины не может быть пощады, и не будет пощады! (Аплодисменты).

Товарищи, за последнее время усилился интерес к тому, что делается в украинской советской литературе, ибо украинская советская литература за последние годы создала ряд больших произведений. Есть чему в этом отношении поучиться у нас и нашим русским писателям. Русские писатели начинают внимательно присматриваться к тому, что делается здесь, на советской Украине, и это совершенно естественно. Мы должны обмениваться опытом, тем более, что развитие литературы, даже если брать отдельные отрасли, идет неодинаково в отдельных областях. Если, например, в РСФСР, в Москве, больше и лучше представляется проза, то здесь, насколько мне это представляется, более сильная часть за последние время является, скажем, драматургия и затем поэзия. Вы знаете, что пьесы на драматургических произведениях вышли сейчас на союзную арену, пьесы на пьес ставятся и в театрах Москвы и в театрах Ленинграда. И здесь мы видим, как создается новая культура. Здесь пишут писатели на свои темы, на украинском материале. За ними культура Украины, за ними опыт борьбы трудящихся масс Украины, они пишут на украинском языке и вместе с тем пьесы на их произведениях получают всеобщее значение, ибо то, о чем здесь говорит писатель на своем языке, это дело родное и общее нам всем.

Товарищи уже здесь говорили о пьесах, которые ставятся в настоящее время в Москве и Ленинграде, пьесы т. Микитенко, Горького, Кочерги. Должен вам сказать, что в последнее время к всеобщему съезду писателей издается целый ряд произведений украинских прозаиков. Переведены произведения т. Панча, Кузнецова, Бончарова. Очень сильно представляется в переводе и украинская поэзия. Но это только начало. Вы, вероятно, слышали о работе украинской комиссии Оргкомитета, которая как раз тем и должна заниматься, чтобы писатели Москвы читали украинских писателей и украинские писатели читали московских, чтобы их познакомили друг с другом по-настоящему в порядке взаимного ознакомления с лучшими произведениями.

Тут я вам должен сказать, что в последнее время у нас было довольно много таких встреч писателей, о которых как-то писал А. М. Горький. Когда спросили писателя Рыжика, знает ли он писателя Ивана Альтенберга, тот ответил: «Как будто я и с этим писателем обещал однажды». Если говорить о знакомстве наших писателей и украинских писателей, то до сих пор, к сожалению, оно часто идет именно в таком порядке обещанных встреч в Москве, встреч здесь, но друг друга читают мало. Союз писателей как творческий коллектив по-настоящему поднимается только тогда, когда будут знакомства писателей не только в порядке торжественных встреч, но будет основательное знакомство с произведениями, взаимопроверка, взаимокритика своих произведений. Я вам должен сказать, что в этом отношении работа украинской комиссии еще не закончена. У нас была одна встреча торжественного порядка, где украинские писатели выступили в Коммунальном театре и в театре Гайдара, и в этих выступлениях доклады о произведениях украинских писателей, и эту работу надо продолжать. До всеобщего съезда и в дальнейшем нам придется устроить целый ряд таких встреч, где бы мы могли познакомиться с произведениями украинских писателей, а украинские писатели критиковали бы московских писателей. Я думаю, что ничего кроме хорошего от такого рода творческих встреч у нас не получится, и это дело надо всерьез приветствовать и развивать.

Товарищи, здесь у многих вставал недоуменный вопрос, почему так долго готовится всеобщий съезд писателей. Предполагалось открыть его еще осенью прошлого года, окончательно он назначен на 15 августа этого года. Многие задают вопрос, не слишком ли уж это основательная

подготовка. В чем дело, почему откладывается съезд? Потому, что первый всеобщий съезд писателей — как нельзя рассматривать как очередное торжество или как очередную конференцию, или просто как «парад-алле» писателей, которые будут выступать один за другим на союзной трибуне нашей в Москве и будут говорить свои творческие декларации. Дело, товарищи, не в этом. Дело в том, что советская литература, переживая порог съезда, должна стать иной. Дело заключается в том, чтобы каждый писатель, уйдя с писательского съезда, унес с собой ясное и глубокое убеждение в том, как он должен работать, что он должен писать, какие методы он должен применять в своем творчестве.

Наш союз писателей есть творческая организация, она должна сейчас ставить именно вопросы творческого порядка: как должен работать писатель, над чем он должен работать, — это вопросы очень большие. И, товарищи, эти вопросы являются для писателя. Раньше, до революции, эти вопросы решались просто: писатель был одиночкой, он выдерживал конкуренцию, ему приходилось самому пробивать себе дорогу. Многие таланты погибали, и мы знаем много таких спитых талантов. Многие таланты погибли, и мы знаем много таких спитых талантов. Многие таланты погибли, и мы знаем много таких спитых талантов.

Мы всю жизнь организуем по-новому. И задача писательской организации как раз и состоит в том, чтобы помогать росту молодых писателей, их совершенствованию, помогать овладению писательским мастерством, именно в порядке творческой помощи, в порядке взаимной товарищеской критики, содействия, чтобы таким образом создать возможно более благоприятные условия для роста нашей советской литературы. В этом заключается дело. Поэтому к съезду писателей так тщательно прорабатываются все вопросы, и за это время сделано очень много. За это время решен вопрос о том, что же должен входить в союз писателей. И в результате той работы, которая была проведена, мы видим, что союз создан, что за эти годы писатели познакомились друг с другом, узнали, кого нужно принимать, кого не нужно принимать, потому что ведь могло же быть, и на самом деле много было всякой псевдописательской братии, которая хотела иметь членский билет, чтобы получить всякого рода авансы, чтобы заниматься вымогательством. Эти люди позорили писательскую организацию: их удалось отсеять. И сейчас в Ленинграде, в Москве и здесь на Украине прием в союз писателей прошел сравнительно гладко, потому что этому предшествовала большая подготовительная работа.

Возьмите вы такое дело, как изучение творчества писателей отдельных республик. Ведь этого раньше у нас не было. Говорили об украинской литературе, белорусской литературе, но не представляли себе, в чем же конкретно выражается эта украинская литература, белорусская литература, литература грузинская и т. д. По инициативе А. М. Горького союзные Оргкомитеты писателей создали специальные комиссии, которые провели эту работу по ознакомлению с творчеством наших национальных республик. Эта работа еще не закончена, но во всяком случае и в этом отношении уже сделано много, выискиваются творческие кадры, выискиваются основные произведения и направляются литераторы отдельных республик. Эта работа точно так же большая.

Устав союза писателей, вопросы социалистического реализма, вопросы поэзии, драмы, прозы, все они были обсуждены на творческих совещаниях, которые за последнее время имели место в Москве и Харькове. И, товарищи, если говорить о том, по каким знаком проходит работа нашего съезда, то мы видим, что по-прежнему, здесь крепко представлена самокритика, которая вызвала довольно оживленную реакцию и зала и президиума и самокритику со стороны докладчиков и выступавших. Это дело хорошее. Во-вторых, это вопрос о качестве произведений. Этот вопрос сейчас является одним из основных.

У нас многие товарищи считают, что литература — это дело только таланта, что достаточно обладать талантом и все уже будет обеспечено. К сожалению, такого рода взгляды встречаются и в настоящее время. Конечно, литература есть дело таланта и без таланта не может быть хорошего писателя. Но, товарищи, представьте себе талант в науке или в технике, талант, который не был бы подкован знанием высшей математики, знанием физики, химии и целого ряда других наук. Возможен ли такой талант в настоящее время в области точных наук? Он невозможен, это несомненно, и мы все великодушно знаем это и понимаем. Но когда речь идет о литературе, мы еще до сих пор встречаем мнение, что достаточно обладать талантом, достаточно обладать некоторой долей фантазии и воображения — и вы уже готовый писатель. Можно сказать и по-иному. Это крупнейшая ошибка. К сожалению, взгляды эти существуют до сих пор, с ними упорно борется А. М. Горький, который писал целый ряд очень острых статей на эту тему. И это совершенно правильно. Такого сорта молодые писатели напоминают некоторых талантливых самоучек. Мне пришлось слышать о том, что в Сибиря в какой-то глухой наместе такой самоучка талант, который изобрел часовую метанол, никогда его не выла. Конечно, это человек талантливый. Или рассказывают об одном таланте, который, не зная, изобрел вновь аналитическую геометрию.

Оба эти случая вызывают у нас и сожаление. Эта явления свиде-

тельствуют об изначальной расстройке и подчеркивают опасность некультурности.

И если говорить о писателях, то нам не нужны такие писатели, которые будут заново изобретать часовые механизмы. Мы, конечно, можем опираться на существующее, опираясь на ряд талантливых рассказов. Но разве эти талантливые рассказы двигают вперед литературу? И разве дело в том, что люди напишут еще 2—3 талантливых рассказа? Не в этом же значение советской литературы. Дело таланта — создать нечто новое, дело таланта — двигать вперед, идти вперед, опираясь уже на завоеванную культуру. Вот в чем заключается дело. И поэтому по линии культуры, по линии подготовки писателя, по линии вооружения его мастерством, знанием всех этих вопросов, — это нужно сейчас подчеркнуть перед всеобщим съездом писателей, — мы должны помогать нашим писателям, ибо среди них очень много молодых, очень много таких, которые не представляют себе всей сложности писательского мастерства, которые думают, что это дело простое.

Наше дело — помочь им исправить их ошибки, критиковать их, иногда критиковать жестоко, если они воображают, что можно походить на хорошее произведение. Здесь выступал сегодня т. Крушельницкий и говорил насчет того, как его, человека, впервые попавшего в Советский союз, ошарашивала чистота, как он называл, которая проходила в докладах. Это, т. Крушельницкий, не чистота, это самореклама, без которой мы жить не можем, потому что тот, кто не подвергается самокритике, кто сам себя не способен критиковать и кого не критикуют, тот загнивает на корню. Тут уже никакого движения не будет, потому что создается затхлая атмосфера. Мы не хотим здесь затхлая атмосферы, мы хотим, чтобы у нас в советской литературе был всегда свежий, здоровый воздух, чтобы наши писатели дышали всеми легкими и чтобы они жили и чтобы крепкой молодой организм нашей советской литературы.

Товарищи, один из важнейших вопросов, о которых будут говорить на съезде, это вопрос о социалистическом реализме. В последнее время в вопросе о социалистическом реализме много наговорено лишнего. Я бы сказал, что тут есть две тенденции: или всякого рода общие мудствования насчет того, что такое социалистический реализм, всякого рода схоластические выискивания и определения, которые не связываются с литературной практикой, или есть попытки превратить социалистический реализм в некоторый ярлык и наклеивать его на флажок с любым содержанием, как бы он хурно ни пахнул.

Если говорить о писателях, что от них в этом отношении требуется, то это выражено очень четко и конкретно в уставе союза советских писателей. Это пункт, мы как-то, надо продумать, как основной. Здесь говорится так: «Социалистический реализм является основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требующим от художника правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии».

Это значит, что от писателя требуется прежде всего, чтобы он видел эту действительность. От писателя требуется, чтобы он видел, куда идет, направление, дается эта действительность, видел ее революционное содержание, потому что без этого вообще писать трудно. От писателя требуется, чтобы он эту действительность знал. Вот это те требования, которые предъявляются писателям.

Когда т. Сталин говорил относительно социалистического реализма в беседе с писателями, он особенно подчеркнул, что в этом вопросе недопустимо всякого рода мудствования. Мы не требуем от людей, чтобы они применяли обязательно метод материалистической диалектики или еще какие-нибудь очень сложные научные механизмы. Мы требуем, чтобы писатель видел нашу действительность в ее революционном развитии, видел ее основные тенденции, видел, к чему идет ее развитие; когда он эту действительность изображает, то чтобы его произведение тоже знало вперед, чтобы оно показывало галль, ненужность старого и в то же время указывало на борьбу за новый строй, чтобы оно утверждало этот новый строй в сознании людей.

Если говорить о критике, о том, как критика должна подходить к вопросам социалистического реализма, то я думаю, что наибольшая беда сейчас для критики заключается в этом отвлеченном мудствовании. Если хотите, товарищи критика, помогите писателю, прежде всего нужно начать с обсуждения конкретного произведения, нужно прежде всего обсудить, что тот или иной писатель написал и что он собирается писать, исследовать построение образов, развитие сюжета и т. д. Целый ряд товарищей об этом уже говорили. Сегодня т. Головкич очень неплохо высказал, какая идея у него была в начале и как он собирается перестроить свое произведение. Очень интересно. И он это делает в результате критики. Но критика наша бывает во многих случаях исключительно обща, человека просто дубасят оглобей. Нам такая критика не нужна, нам нужен конкретный разбор произведений.

Конкретный разбор произведения может привести к конкретному пони-

жению социалистического реализма.

Многие писатели понимают дело так, что требуют: вынь мне и положи социалистический реализм так, чтобы я мог его пощупать. Мы этого сделать не можем. Это не такая вещь, которая выкладывается на стол. К этому пониманию можно привести только на разборе конкретных художественных произведений.

Далее, если говорить о ближайшей работе союза писателей, товарищи, не забудьте прежде всего обратить внимание на изначальную расстройку и бедность, изначальную расстройку. Писатели у нас очень часто дергаются по всяким заседаниям и т. д. Я думаю, что после съезда писателей ему работу организовать по-настоящему, поменьше нужно заседаний, этой суеты, этих парадных выступлений и т. д. Надо, чтобы писатели

ские организации (украинская в том числе) побольше занимались творческими вопросами. Если вы хотите устроить заседание секретариата, президиума оргкомитета или самого оргкомитета, то поставьте вопрос, какую книгу вы хотите обсудить, творчество какого писателя вы хотите разобрать, потому что иначе это будет канцелярия, а не руководящий орган творческой писательской организации.

Товарищи, я хотел бы остановиться еще на ряде моментов, которые необходимы в настоящее время подчеркнуть для того, чтобы подвести писателей к овладению мастерством. По инициативе А. М. Горького за последние время создан целый ряд таких литературных предприятий, как «История фабрик и заводов», история отдельных областей, в ближайшем будущем будут опубликованы книги о людях первой и второй пятилетки и книги по истории гражданской войны. В этих предприятиях участвуют лучшие писатели. Вы, вероятно, слышали уже о книге Беломострой, вышла книга об Ижевском заводе, вышла книга о Сталинградском заводе, — все эти книги имеют самостоятельное значение и литературную ценность, но они имеют и большую политическую ценность, потому что знакомят молодежь с историей гражданской войны, дают нам историю рабочего движения, они знако-

мят нас с сознательностью в художественных, конкретных очерках. В то же время это, товарищи, большая подготовка и школа для писателей, потому что писатели, бывая на заводах, знакомятся с производством, с жизнью людей, накапливают новый материал о новых людях, материаль, который им пригодится в их будущей литературной работе, в их художественных произведениях. И вот, товарищи, я считаю, что одним из конкретных результатов нашего съезда должно быть усиление работы по этой линии, потому что это «большой класс» для писателя, и неслучайно Алексей Максимович Горький так напирал на эти коллективные произведения. Правда, мы имеем здесь еще не настоящее художественное произведение, это лишь художественный очерк, но он дает школу писате-

лю, потому что писатели и пишут и редактируют друг друга, они невольно участвуют друг у друга литературному мастерству и накапливают материал. Здесь в порядке самокритики я должен сказать, что украинские писатели отстали в этом отношении. В плане работ по истории заводов намечена история ряда угольных шахт Донбасса, харьковских заводов и т. д. Пока этих произведений не видно и о них не слышно. Здесь одним из результатов съезда должно быть усиление работы по этой линии.

Второй момент, тоже чрезвычайно важный, — это литературный вуз им. Горького. Этот вуз в настоящее время организуется в Москве. Это будет настоящая литературная академия, там должна быть богатейшая библиотека, там должны быть свои научно-исследовательские секции и специальные семинары и курсы для писателей, где писатель не в общем порядке, как школьник, а именно в той области, где он чувствует себя слабее, мог бы услышать лучших мастеров нашей науки. А что у нас есть такие мастера, у которых можно поучиться и за час узнать больше, чем вы узнаете за месяц самостоятельной работы, было продемонстрировано сегодня выступлением культуртрейских людей советской науки, которые показывают, что они не только специалисты в своей

области, но, вероятно, многим писателям дадут сто очков вперед и в части знания литературы. (Аплодисменты). Так что поучиться у этих людей стоит. Вот вы переедете в Киев, там есть Всеукраинская академия наук, — не мешало бы почаще устраивать такие встречи с большими украинскими учеными, которые могли бы помочь нам открыть целый ряд научных областей, дать нам ключ к новой работы и таким образом расширить горизонт писателя.

Наконец, сегодня тут демонстрировалось творчество наших молодых писателей, в частности писателей из Донбасса. Мы сами пришлось прочитать вчера стихи Матушевского, он, кажется, способный поэт и пишет стихи прямо на ходу, но в части формы ему надо еще поучиться, то же и по части языка. Сейчас существуют литературные вузы специально для молодых, начинающих писателей. Там обучают молодежь, как писать, разбирают их произведения. Невредно иногда такую консультацию иметь и большому писателю перед тем, как сдать в издательство свою книгу, компетентно обсудить, что он написал и как написано, не слишком ли длинно, не переусложнил ли отдельные части, какие-то архитектурные. Странный глаз иногда заметит лучшие недостатки произведения. Это особенно относится к молодым писателям, и практика такой работы должна быть результатом съезда. Для молодых писателей должны быть созданы семинары и консультации, где они могли бы получить подготовку и оценку своих произведений и где перед ними раскрывались бы лучшие крупнопроизведения, на которых они могли бы учиться. Все эти вопросы как будто бы весьма практические и организационные, но на самом деле от них зависит очень многое, потому что именно в этой культуре, в умении работать создаются крупные писатели. Алексей Максимович, когда он с этими вопросами обращается к вам, обращается не зря. Он сам прошел большую школу борьбы и работы. Он рассказывал, как во времена первых встреч с А. Андреевым он не понимал иногда тех ученых слов, которые Андреев, окончивший университет, обдавалный высшим образованием, употреблял в своей речи, в своем творчестве, как ему иногда было трудно и больно. Но Андреев застрял на одной и той же ступени культуры, он попал в круг, из которого не мог выйти до конца своей жизни, и как писатель быстро стал выдыхаться. Горький же, несмотря на все препятствия и гонения, которые обрушивались на его голову, шел упорно вперед, он читал массу книг, и это соединение огромного жизненного опыта и огромной культуры, которую человек добыл сам, своими руками в течение десятилетий, создало в настоящее время писателя, имя которого составляет одну из самых блестящих страниц в нашей литературе. (Аплодисменты).

Должен вам сказать, товарищи, что требования в отношении качества сейчас предъявляются не только в писательских организациях, что видно из той самокритики, которая идет на месте на всех совещаниях и конференциях. Это очень хорошо. Но должен сказать, что дело это не ограничивается. Теперь придется и организационно обеспечить высокое качество литературы. Вы, вероятно, слышали о том, что в Москве происходит реорганизация художественных союзного значения, издается художественной литературы, которое выделяется из ОГПУ и будет самостоятельным. Этим подчеркивается роль, которая придется в настоящее время художественной литературе. Это издательство создается и с тем, чтобы поднять уровень нашей литературы. Так как последнее время

мы надемся, однако, товарищи, вместе с вами побывать в этой столице. Тов. Кулик объявил, что последнее заключительное заседание съезда будет происходить в Киеве через два месяца. Кроме того он меня информировал сегодня, что и свое заключительное слово он сделает тоже в Киеве. (Смех). Думаю, что за эти два месяца он отдохнет, соберется с силами и его там не придется отпугивать молотом. (Смех).

Итак, мы надемся встретиться снова с вами там — в Киеве, в новой столице советской Украины. Мы встретимся ли мы в этом составе или нет, мы рады от сознания, что и здесь в Харькове, и в Киеве, и в Москве, и в Тифлисе, по всему Союзу, вместе единой душой мы работаем над созданием нашей социалистической культуры! (Бурные продолжительные аплодисменты!).

СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

По телеграфу от нашего корреспондента

писателей, и т. Корня. С речью об актуальных проблемах драматургии выступил т. Ромашов, подчеркивший огромные достижения украинской драматургии, находящейся в передовом отряде советской драматургии. Затем выступил заведующий ЦК ЛКСМУ т. Рашадиев. В конце заседания т. Кулик при исключительном внимании зала заканчивает приветствие, полученное съездом от П. П. Пестышева.

В приветствии т. Пестышева сказано: «Мои пожелания: крепче, пле-

чом к плечу с писателями всего могучего Советского Союза объединить свои ряды вокруг ленинской партии, вокруг ее великого лидера, вождя и учителя т. Сталина, неутомимо заботящегося о росте советских писателей и расцвете советской литературы. Пишите так, чтобы трудящиеся еще больше любили советскую литературу, а читатели ее еще крепче любили бы свою страну Советов».

На утреннем заседании 21 июля выступил пред. Оргкомитета СССР советской Молдавии тов. Милев.

Далее выступили тт. Усенко и Божко. В большом выступлении т. Горького поднимался вопрос о борьбе против национализма всех мастей. Затем выступили тт. Эрик, говоривший о еврейской литературе, Константин Гордиенко, проф. Велечий, указавший на необходимость всемерного развития советской сатиры, Аджаров, посвятивший свое выступление болгарской литературе на Украине. В большой речи т. Щербина затронул внимание съезда на оборонной тематике.

Д. КРОЛЬ.

А. М. Горький и украинская культура

В номере «Л. Г.» от 20 июня мы сообщали о том, что т. Кулик в своем докладе огласил письмо к нему А. М. Горького, разоблачающее клевету националистов об отношении Горького к украинскому языку и литературе. Мы печатаем сегодня это письмо (с сокращениями).

«Дорогой товарищ Кулик!

Исполняя ваше желание, отвечаю на вопросы о моих отношениях с А. М. Кошарским. Отношения эти с первых же дней знакомства сложились как очень дружеские и теплые. Мы читали друг другу черновики наших работ, и оба искренно говорили друг другу, что каждый думает о работе другого. Если говорить о «влиянии», оно, вероятно, было взаимным. М. М. работал на Капри мало, но очень много рассказывал о своих планах. Помню, что некоторое время его весьма волновала повесть из жизни гуляцов, которую он впоследствии дал как отличный очерк «Тени забытых предков». Мечтал он написать повесть о Довбуше, брал у меня «Литературно-научные» словесные сборники, мечтал дать рассказ о Кармелюке, и я думаю, что он не ошинулся, сказав, что он настраивался на «стерильный лад». Настроение это особенно разжигалось нашими спорами со Стефаном Жеромским, который в это время «блуждал» тоже на Капри, предаваясь рецензиям туберкуле-

ПИСЬМО тов. КУЛИКУ

за. Жеромский доказывал нам, что подлинное искусство всегда было религиозно или метафизично и что эстетика без метафизики вообще невозможна. Он в ту пору соотрудничал, кажется, в «Реву де монд», сильно подчиненный был новейшим французским влияниям — Абель Рей, Бергсон, а в общем рассуждал «эстетически» и почти неудачно, как бы качаясь между многими противоречиями.

Послушав его, М. М. откровенно выдыхал: «Не дай же бог так валу-таться». Был он человек замечательного милый, очень мягкий волею. Ваше письмо заставило меня вспомнить «инцидент», разыгравшийся между мной и Сиснерено, который обвинял меня в склонности к «национализму», что было выдумано у него моим письмом. В коем я, несколько обижаясь, весьма задорным письмом Сиснерено ко мне, заявил, что-то в таком роде: считаю необходимым для взаимопонимания и единения человечества единый язык, все равно какой — английский, украинский, мордовский и т. д. Сиснереня же, конечно, и теперь считая в будущем неизбежным, не ответил Сиснерено, должно быть, задорно. По этому поводу я объяснялся с украинскими писателями в 1928 г. в доме Блакитного. А

мои симпатии к народности украинской возникли еще в 91 г., когда я ходил по Украине, окрепши в 97-98, когда жил в Полтавской губернии.

Дальше Алексей Максимович пишет о том, как он в 1915 г. готовил к изданию «Украинский сборник» и заканчивает:

«Будь я «великодержавец» — зачем бы мне заниматься организацией сборников, которые должны были показывать наличие своеобразия культуры народностей, подвластных имодержавию Романовых и К? Грустно, что все это приходится говорить на такие темы в наши великие дни.

«Инцидент» получился и перелад «Академии». Потребовалась статья о Ютлареском, о его месте в истории украинской литературы и о влиянии «Энцидента», — кто рекомендовал бы для такой статьи? Имеется ли очерк истории украинской литературы, а если нет, предполагается ли написать таковой? Это очень нужно для нас, северян, а то наша молодежь ничего не знает о прошлом Украины. Необходимо взаимно обменяться знаниями прошлого для всех союзных республик, нужно, чтобы белорусы знали, что такое грузин, татары и все другие языки, что такое украинец, белорус, узбек, татарин и т. д. Верно?

Крепко жму руку. А. Пешков».

СЕЛИН И КОНЕЦ БУРЖУАЗНОГО РЕАЛИЗМА

В Америке была в свое время литература «выпробователей края». Сейчас на Западе появляются книги, и отнюдь не революционные, раскрывающие жизнь как нагромождение грязных кошмаров. Из этих книг «Путешествие на край ночи» Франсуа Селина — самая страшная.

Селин не был до сих пор профессиональным писателем, и, быть может, он из тех авторов, которые могут написать лишь одну книгу — итог своей жизни. Его «Путешествие» почти не воспринимается как литературу. Это истощенный плач, укус. Человек встал со своей койки и превратил ее в ушат поноса, который он с каким-то сладострастием и злорадством вылил на окружающее.

Над Селином тяготела бремя декаданса. Фердинанд Бардио, он же Л. Фердинанд Селин, всегда ощущает свой жизненный путь как «путь вниз». Это человек, прошедший огонь и воду. Это мелкий буржуа, начавший жить на фронте 14-го года, из поколения тех, которых война деклассировала, озлобила, лишила иллюзий, не дав ничего взамен. После войны жизнь треплет его, сбрасывает на дно, в нищету. Дело идет уже не о том, чтобы вырваться вверх, но о том, как с страшным напряжением отбивать удары «Короля-Нищеты», чьи пальцы Селин всегда чувствует на своем горле. Не засовывать жалюзи, но лишь оборачиваться. Не великодушный хищник Растиньяк, но мелкий и трусоватый пинк Бардио. И именно потому, что Бардио — вырваться наверх не может и знает это, у него необычайно остро ощущение «тех, кто сверху, и тех, кто внизу».

Так он доходит до той ненависти ко всему миру, до того антагонистического озлобленного пинизма, который отныне, кажется, можно назвать именем Селина. Вся жизнь он мечтает когда-нибудь расстаться с миром, расплатиться за всю грязь и унижения, за свою собственную подлость. Проходя через все этапы своей мрачной «Одиссеи», он, задыхаясь от ненависти, пишет свое «Путешествие». Это акт социальной мести.

Капитализм встает у Селина тот же огромный сгусток грязи. Над книгой тяготеет два образа: сумасшедшего дома и публичного дома, нависает атмосфера бреда, безумия, кошмара.

Жизнь начинается с войны, куда Селин попадает жертворным шепотом. И сразу мы сталкиваемся с изломленным приемом Селина. Он жаждет разоблачить иллюзии, сорвать романтические одеяния, выпороть наружу все грязное белье буржуазии. Но парадоксально герою войны — всепоглощающий животный страх за свою шкуру. Все поддельно: «Все, что читали, глотали, сосали, чем восхищались, что утверждали... все это было лишь зловонными парами, подделкой и маскардом». Такой призрачный госпиталь для сумасшедших, где солдат летит «впрыскиваниями патриотизма», и женщины, «стервы» и «суки», и все остальное. Селин улавливает, что зверская ненависть есть закон мира, что любой подлость стоит оплачивать спасение своей шкуры, что ложь, шантаж,

патриотизм и больше всего трусость можно пустить для этого в ход. Дальше — колония. Вместо традиционных «красот солнечного юга» — аи, кошмарная смесь зноя, жары, москитов, колонистов, подыхающих от ненависти и жары, всеобщего воровства. «Все безудержно хамяли». Всю подлость. Сегодня густо обкрадывают негров. Завтра эти негры пролетят тебя на галеры. Для Селина здесь нет ни одного светлого пятна. Этот кошмар усилен лихорадочным бредом, сквозь который показаны колонии.

Америка. Вместо американского рая — одиночество, усталость, нищета, хаотичное безразличие и ненависть людей друг к другу, безработица, убивающий кошмар на заводах Форда. Селин бежит обратно в Европу.

Парижское предместье — целый зверинец мелких собственников, рваные, безжалостные. В качестве врача Бардио «проникает» во всю подноготную их собственных истинных мотивов, их грязи, преступлений и злости. Работа в сумасшедшем доме — последний этап, на котором обрывается книга.

«Обойденный» Селин подчас с мучительной остротой ощущает социальные противоречия. Он поражается, почему рабочие Форда не покидают расей с этим алом, он называет «допотопной войной, без дураков» распри десертиров на фронте. Через всю книгу проходит неопределенное противопоставление богатых и бедных, солнечной и теневой Селина. Этим пишется ненависть Селина. Но все это, богатые и бедные, верхи и низы, белые и негры, солдаты, ранты, женщины и он сам — все поддельно. Все — грязь. Когда Селин пишет: «Мир заперт, мы поплыли к самому краю», то он осознает распад капитализма как распад всего мира, как гибель вселенной. В этой почве нет никакого прощенья. Полный нигилизм и опустошенность. И потому Бардио-Селин чувствует себя победленным. Он обессилел своим одиночеством, своим нигилизмом. «Где взять силы, чтобы снова и снова начинать сначала» — это прохрипит лейтмотивом по всей книге. Бардио, возмущавшийся капитализмом, отравлен всеми его пороками, обессилел им и погибает вместе с ним.

И, быть может, самое страшное в кошмаре «Путешествия» — это сам Селин. Этот образ полного душевного одиночества, полной деморализации, полной опустошенности дает книге ее своеобразную интонацию, рождающую ее с книгами Олинтона и Бриттона. Вечная борьба за свою шкуру заставляет Бардио морально сдаться. Он пропитывается сам той

грозью, которая обливает его со всех сторон. Пинизм этот не только от трусости и голода, но и потому, что все в Селине опустошено. От озлобления он даже начинает наслаждаться своей подлостью. Достоевский и выверты психологических здесь сколько угодно. Но только это не от литературных влияний. Ничто еще не видели мы образа подобного душевного очерствения и озлобления. Все человеческие чувства выжжены пинизмом. Кажется, что жить он продолжает только на каком-то животном чувстве самосохранения.

На злости и пинизме вырастает стиль Селина. Он весь устремлен на то, чтобы вывернуть всю «их» грязь. Укусить побольше, ужалить побольше. Нагромождается эпизоды, выворачивающие все глубины человеческого подлости. Ни одного эстетического образа. Селин во всем видит мерзость. Точно своеобразный дилетант он различает одни серо-черные цвета.

Американская ульня — «бесконечная ульня, рана, на которой мы копошимся, от края до края, от муки до муки в поисках копыта ее, которого не было вилло, копыта всех ульн света...». Тронки — «эта серая волна бахрама, этот заросший берег, напоминающий приятную поминку, не внушающую ни особого доверия. Дышать этим воздухом было противно даже ночью: до того воздух отравлял влажными заплесневелыми помоями».

Отсюда вырастает и невольная вульгарность языка Селина. Мать — сука, женщины — стервы, злобное слово — хам. Поливное озлобление еще усиливается здесь на рваных пинизмом. В этой книге ничто не прилагается, не литературно, никакой отсылки.

Селин бравурит своим пинизмом, но мимолетно его охватывает ужас перед самим собой. «Странно скрутилось своего сердца и того, что считал человечество более подлым, чем оно есть».

Книга Селина — удар по буржуазному лижному гуманизму, но у Селина раскрыта полная гибель человека, из которого капиталистическая грязь вытравляет все человеческое. Но мы в стране пролетарского гуманизма, где возрождалось «человеческое достоинство», где трудящиеся люди слиты воедино в любви к своим героям и к социалистической родине, мы не можем не смотреть на мир Селина с отвраще-

нием. Этот мир действительно «заперт». Он «пошел к самому краю». Книга Селина — необычайна. Она ошеломляет. Во всей истории литературы, кажется, нет книги такого нигилизма, пинизма и ненависти к грязи. Для будущих поколений она останется как яркое «свидетельство», как документ распада.

«Путешествие на край ночи» уже одной только разрушительной силой разоблачений капиталистической грязи борется с капитализмом.

Но огромная ненависть Селина — бесплодна. Обращенная против всего мира, она пассивна. Она жмется и обесилается его самого. Но ужасает отсюда строки, которые антагонист Селина написал в ответ на анкету о фамилии журналиста «Авантюра». «Замечу, что фамилия: Вы путаете, мадемуазель, вы не была на войне, это, видите ли, чувствуется по таким вопросам. Когда военный берет в свои руки командование, м-д, сопротивляется быть не может. Ясно, завару не сопротивлялся, м-д. Он подымает сам собой, и мы вместе с ним в его брыхе, м-д, в его брыхе». В одном отношении Селин прав: в одиночку бороться с «единообразием» действительно бессмысленно. Фераль, казалось, должен был убедить его, что сопротивляться можно и как именно надо это делать. Но пока Селин остается в своем опустошающем нигилизме.

Неужели же успех поможет ему, наконец, выбраться «наверх» и прищипнуть жало его ненависти? Или, может быть, скрытая под его пинизмом тоска по утраченной человечности, жажда человеческого достоинства превратит его к нам?

Книга Селина не одиночка. Красная обложка в буржуазной литературе Запада прямо противоположные черты. Наряду с лижным, нарочитым, фальшивым «гуманизмом» националистическим, гуманизмом, паневропейским толка усиливается пессимистическое нигилизм, приналягия своего банкротства. Этот приступ буржуазного пессимизма вызвал литературу, которую с полным правом можно назвать «литературой кошмаров и ужасов», смерти и гни.

XX век есть век смерти буржуазного реализма. Между тем кривизна, разбухшая у художников буржуазии острое чувство гибели, порождая своеобразные произведения, имеющие черты реализма. Кажется, что страшная правда, правда смерти, которая раскрывалась для этих художников, на время как бы гальванизировалась, оживляла реалистические традиции. Они еще раз вспыхивают перед нами, но уже слабым и неверным пламенем.

В французской литературе эти явления очень ярки. Только за один 1933 г. появились «Клубок змей» Мориака, романы Ж. Грина, «Волки» Мазелина, «Старая Франция» Роже-Мартена дю Гара, «Путешествие» Селина. При всем различии между собой этих книг все они веши большой художественной значимости. И эта художественность связана с тем, что, выворачивая наизнанку уродство буржуазной Франции, все они, хотя и в разной мере, обладают чертами безжалостного реализма.

Большие различия этих книг очевидны. У Мориака, например, кошмар его образов стоит в резком противоречии с его реакционными, католическими идеями. Весьма плоскими и приевшимися часто к читателю у Селина разоблачения сознательны, намеренны и подчеркнуты, тесно связаны с его истерическим недовольством. Несомненно, декаданс, «социальная обделенность» играет здесь большую роль. В ней истоки ненависти Селина. Как и Олинтон и Бриттон, он мелкий буржуа, имеющий свои ссеты с капитализмом.

И тем не менее в творческом отношении все эти книги близки. Можно ли назвать их реалистическими? Они, несомненно, продолжают целый ряд традиций буржуазного критического реализма прошлого. Все они лишены самоозлобленного формализма, эстетства, все они разоблачают. И только разоблачают. Даже самые алье из них, как книга Селина, совершенно лишены и положительный героев и положительной перспективы. Но ведь и французские реалисты XIX в., начиная с Бальзака, наиболее сильны были в разоблачении образов. К Мориаку, Мазелину, Грину, до Гору отчетливо тянутся нити от Бальзака, Флобера, некоторых новелл Мопассана. Они наследуют от последних изображение буржуазного уродства, раскрывают его основу: обреченность и дегенерация. Семья, покоящаяся на собственности, власти денег и ненависти. — тема Мориака, Мазелина, до Гара, Грина, и они продолжают здесь традиции реалистов XIX в., но сгущая их до кошмара.

Для большинства из этих книг типичны мотивы бреда, безумия. Над книгой Селина не случайно нависает образ сумасшедшего дома. Безумие и бред врываются в книгу, нарушая действительность, придавая ей полосу иллюзорности, сдвигая реальность в область фантастики. Реальность становится почти определяющей для стиля книги. Появляющаяся на фоне книги Ж. Грина «Le visionnaire» символическая, хаотическая смесь реальности и видений является в ее основу. Это та грязь, когда уже трудно говорить о каком бы то ни было реализме.

Все эта литература — последняя вспышка умирающего буржуазного реализма. Это уже не полнокровный реализм прошлого, это его конец. Е. ГАЛЬПЕРИНА

НА СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ. В президиуме слева направо: Ф. Гладков, зам. културпролом ЦК КП(б)У М. Киплер, зам. наркомпроса УССР Т. А. Хавиль, секретарь харьковского обкома КП(б)У Демченко, И. Фере, А. Безыменский, И. Кулик.

ДОЛОМ КУКУРУЗНУЮ РЕСПУБЛИКУ

Новый роман грузинского пролетарского писателя К. Лордкипанидзе «Долой кукурузную республику» посвящен классовой борьбе в грузинской советской деревне.

Материал романа богат и разнообразен. Все социальные прослойки деревни проходят перед читателем. Большое достоинство романа К. Лордкипанидзе заключается в том, что материал повествования им взят не из призрачной многогранности, полная противоречий действительность.

В романе дана целая галерея кулацких типов. Развитие коллективизации вызывает их ожесточенное сопротивление, они используют беспринципных околупартиных обывателей.

Вот Барнаба Саганелидзе. Он не похож на плакатного кулака — с тупой фигурой и зверским выражением лица, но за «скромной», обманчивой его личиной скрывается первоклассный прохвост и непримиримый враг коммунизма.

Не менее красочна и другая фигура на той же кулацкой группе, например, ненастный хищник и эксплуататор, лавочник Иеремия Патахия, доведший своего батрака Меки до того, что тот разучился владеть речью. Центральным героем романа — бывший батрак Тарас Хазарадзе. У него нет личной жизни, или, точнее говоря, она растворена в общественной работе.

Растут новые кадры. Вчерашний батрак, угнетенный и обездоленный Меки, сегодня стал трактористом. Лучшие голы своей молодости он был батраком. Нищенское полуголодное существование довело его до такого состояния, что на селе его почти не считали за нормального человека. Он даже потерял свое собственное имя, и знал его только по прозвищу. Борьба за социалистическое переустройство деревни захватила и его. И этот пришедший тяжелой жизнью батрак выпрыгнул и стал активным членом артели.

Показ людей, борющихся за социалистическую деревню, далека от статичности. Их развитие и рост развертываются на фоне совершенно конкретной обстановки.

Вот Георгий Джинджариани — тип крестьянина из бедняцкой семьи. В романе показано, как он отрешается от старых форм жизни, но где-то в

углох его сознания все еще таится сомнение и нерешительность. Только разговор с Тарасом кладет конец этим сомнениям. Борьба между уходящим старым и вступающим в свои права новым миром создает конфликты и внутри семьи. Так, родные секретаря комсомольской ячейки Бача Вамакидзе не сочувствуют его устремлениям. На этой почве происходит столкновение между отцом и сыном, но Бача непоколебим: он становится членом колхоза.

В романе дана также образ середняка (Маргеладзе и пр.), который все еще продолжает тащить на себе груз прошлого.

Конек декабря 1926 г. — в период, предшествующий первой волне массовой коллективизации, организуется артель «Нарцтво коммуны». Вокруг артели идет ожесточенная классовая борьба. Истинный член собственности здесь живет в некоторых крестьянах-членах артели и временно дает знать о себе. Кулачество и его агенты ведут ожесточенную вредительскую и провокационную работу против нее. Тем не менее идея коллективного хозяйства прочна и велика, и середняком крестьянстве. Артель приступает к коренной реконструкции хозяйства.

Творческая сила произведения К. Лордкипанидзе заключается не только в том, что он правильно показал моменты классовой борьбы, но и в том, что он в убедительных образах охарактеризовал обреченность всех тех, кто отчаянно боролся против несомкнутой силы трудящихся масс, строящих социалистическую деревню. Показывая гибель старого мира, К. Лордкипанидзе в то же время рисует новые взаимоотношения, все прочнее утверждающиеся в деревне.

В романе имеются и слабые стороны. Прежде всего недостаточно отчетливо положительные герои произведения. Еще не выжит некоторый схематизм в описании действующих лиц. Обилие персонажей затрудняет раскрытие характеров.

Слабо в романе показана роль партии.

ШАЛВА РАДИАНИ.

1 Этот роман в скором времени появится на русском языке в издании «Советской литературы».

Заставки к стихотворениям в «Поэтическом сборнике», выходящем в издательстве «Советская литература». Слева направо: гравюры на дереве художника С. Попкова и стих. М. Голдого «Судья Горба», и стих. И. Уткина «Оправдание» и к стих. И. Сельвинского «Белый песец».

ГАРШИН ПРОТИВ ГРОССМАНА

Для Гроссмана литературная критика — не наука. Критика — свободное творчество, выражение интуитивного понимания литературных явлений. Путь критики для него идет «от опыта, от протокола, от дисциплины и анализа к свободному утверждению и творческому прозрению, от памяти к воображению, от рассудка к интуиции» (Леонид Гроссман, «Борьба за стиль», М., 1927, стр. 18).

Если литературная критика — не наука, а литературный жанр, то почему бы не отлить свои историко-литературные взгляды в форму биографического романа? Но в таком случае биографический роман выступает в роли псевдонима для историко-литературных взглядов Гроссмана. Внутреннее развитие биографического романа как жанра тогда не имеет своих собственных корней. А это не так.

В форме биографического романа Леонид Гроссман изобразил дуэль Пушкина с Дантесом в «Записках д'Аршиака», а процесс 1 марта 1881 г. в «Вархатном диктаторе».

О «Записках д'Аршиака» мы уже писали.

Остается предположить, что и «Записки д'Аршиака» и «Вархатный диктатор» не биографические романы. Вот это мы и докажем.

Вынести на сцену исторические персонажи — еще не значит дать историко-биографический роман.

В самом деле, какие требования мы предъявляем биографическому роману как определенному типу исторического романа? Во-первых, исторический фон, понимаемый как верное изображение основных тенденций исторического развития в данную эпоху. Во-вторых, автор биографического романа обязан удерживать изображение своего героя на уровне общих черт, присущих данному историческому лицу.

У Гроссмана нет фона. Он его смешивает с «аксессуаром». Одно с другим не совпадает. «Аксессуар» — деталь, украшение, мозаика. Фон, понимаемый научно-исторически, — это основа, фундамент. Можно, однако, дать одно через другое. Можно провести исторический фон сквозь «курнозистов» и «срагистов», через исторический анекдот. Но нельзя заменить первое вторым.

Можно свободно передавать в биографическом романе исторические детали в различных направлениях, проявляя их комбинации. Но обязательно при этом улавливать связь собственных комбинаций с решающими линиями исторического развития.

составляющих фон данной исторической действительности.

В «Вархатном диктаторе» фон дан характером, личными особенностями Лорис-Меликова.

Но это лишь скопление по поверхности. Действительный фон лежит глубже. Его надо искать в реальном, определяющем само появление на авансцене Лорис-Меликова и его поведение. Подлинный фон «Вархатного диктатора» — складывающаяся революционная ситуация.

Чтобы преуспевать революционный взрыв, ослабить недовольство масс, внести раскол в оппозиционные самодержавию элементы, Лорис-Меликов играл в реформу земского и городского самоуправления, преобразовывал III отделение, уничтожая это всем ненавистное название, обращаясь с призывами к «обществу» с просьбой о поддержке, добивался крепких уступок в виде ухода реакционного министра графа Толстого, вел интимные беседы с журналистами и т. д.

События в дни празднества 19-20 февраля 1880 г. в честь 25-летия царствования Александра II служат ярким выражением наступления революционной ситуации.

Лорис-Меликов сознательно придал этому событию широкий размах, стремясь направить общественное возбуждение, вызванное халтурным взрывом Зимнего дворца (5 февраля), в русло неких намеков на исторический характер этой даты, связанной с эпохой реформ. Газеты полны похвал, хвалебного описания благодарности, сверху, приспосабливаясь к ней, Грелет перебежал сверху, ибо так было в начале царствования, о котором так многозначительно вспоминают сегодня, — так читалось между строк.

Рабочие Петербурга, как пишет «Листок Народной Воли», отмечали юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

А Мюллерский без согласия Исполнительного комитета Народной Воли 20 февраля стреляет в Лорис-Меликова.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

В этой обстановке рождается письмо к Гроссману, в котором Лорис-Меликов, как пишет «Листок Народной Воли», отмечал юбилейные дни уюными разговорами о том, что крестьянам будет отведена вся земля.

„ЧУДЕСНЫЙ СПЛАВ“ В. КИРШОНА

Одна «Чудесная сплавка», новая комедия В. Киршона, закончилась в том, что в этой пьесе нет традиционных противопоставлений дурных характеров хорошим, отрицательных образов — положительных.

Все персонажи в пьесе — обычные люди, простые, «как сто тысяч других в России».

Они умеют любить, чувствовать, страдать, сомневаться, шутить, по-настоящему работать, бороться со всеми препятствиями и их преодолевать.

Эти люди нашей социалистической эпохи, те, которые ставят на ноги не только перестраиваемый ими мир, но и самих себя. Они сами — чудесный сплав пролетарской революции.

И вот зрительный зал безудержно смеется над этими людьми. Давно не приходилось быть свидетелем такого неутомимого, размахистского, жизнерадостного смеха, каким буквально каждую минуту разражается аудитория.

Где его источник? В полноразмерном оживлении жизни, в отсутствии разлада между героями комедии и эпохой («неординарности» Олега Ивановича, писателя, а в конце — в остроте взгляда на сторону этикорской жизни, показывая ее не-замысловатую и заманчивую, не-статочную, но с советской точки зрения, с социальным оптимизмом автора и его действующих лиц.

Смех Киршона — дружелюбный, радостный, любовный смех от восторга, чувства от ощущения советской действительности, от сознания того, что только наша эпоха воспитывает и создает настоящих людей — «бойцов за весь мир». Этот смех не только заманчив и заманчив, но и социально продуктивен.

Посмотрите, с каким настроением поднимает зритель спектакль. Каждый из них подобно Петю хочет быть «барачником» своей молодой страны. Киршон «Чудесным сплавом» разрешил чрезвычайно трудную проблему в комедийном жанре. Он написал только веселую, смешную комедию, он написал комедию, действующую в своей идее и политической зарядке.

Написал комедию, которая, пытаясь утверждать, что секрет успеха пьесы Киршона заключается в использовании им традиционных комедийных приемов, начиная от волевого театра и кончая буйством фарсом.

Применение подобной рецензии, по их мнению, дешево, оплошает пьесу.

Странные бластисты чистоты комедийных принципов. Укажите хоть одну комедию (классическую или современную), которая не прибегала бы к т. н. традиционным приемам комедийных ситуаций.

И не только комедия, но и драму, трагедию, любое драматургическое произведение.

Карло Гоцци утверждал, что существует только 36 драматических ситуаций.

Шиндлер долго ломал голову, чтобы найти большее число ситуаций, но он не нашел даже столько, сколько Гоцци.

Известный французский театральный критик Польет пересчитал 1300 пьес с 3 тысячами действующих лиц и не смог ничего добавить к нормам Гоцци.

«История «Фаста», — писал Гете, — я обязан Кальдерону, видению — Марлоу, лучшим сценам — другим, например, сцене с постелью — Цимбеллину, сценарной — Гамлету, прологом — Югову».

И от таких позитивистов ничуть не потускнела гениальность гетеовского «Фаста».

Дело не в использовании традиционных приемов, а в том, как они используются.

«Чудесный сплав», несомненно, свидетельствует о дальнейшем творческом росте автора. И в защиту Киршона, впервые взявшегося за написание комедии, следует поставить то, что он удачно справился с созданием жанра советской комедии.

Он по-настоящему уловил традиционные комедийные приемы, но сознательно, с заранее обдуманным намерением, использовал их в «Чудесном сплав». Но если прежде эти приемы обычно размещались по принципу развески, исходя из характеров действующих лиц — отрицательному персонажу давали по большей мере комедийных и гротесковых ситуаций, добродетельному — поменьше, то в комедии Киршона мы видим над положительно-ми образами. Иных у него и нет.

Мы смеемся над замечательными, прекрасными людьми, и качество смеха таково, что он не отталкивает нас от этих людей, а еще больше сближает, роднит с ними.

Рисунок С. Полякова

Наташа — А. А. ТИТОВА.

Проблема изображения положительного образа в советской комедии до сих пор затрагивалась только вскользь.

У Каверина («Возвращение Робинзона»), Шварцкинда («Чужой ребенок») она еще на второстепенном плане.

Значительно ближе к ней подошли Погодин в «Снеге» и Финн в «Вальсе».

И только в «Чудесном сплав» Киршон ставит этот вопрос во всем объеме и во многом удачно его разрешает.

Но и здесь еще много черновых набросков, рабочих гипотез и неуверенного плава.

Наиболее удачны у Киршона образы Петя и Гоши. Найлена всеобщих Челюскинцев у Вахтанговцев

20 июня спектакль в театре им. Вахтангова (Интервенция) Л. Салаева посетил большая группа челюскинцев и летчиков-героев Советского Союза. В театре присутствовали т.т. Ушаков, Каманин, Колосов, секретарь партия Челюскинцев т. Задорин, Фадеев, Хмызов и другие. Всего свыше 30 человек.

От имени коллектива вахтанговских челюскинцев приветствовал заместителя директора театра Б. Е. Завальну.

Первые же его слова, на которых наполненный театр зрители узнали, что среди них находится Челюскинцев, вызвали бурю восторженных, долго не стихавших оваций.

Героическая эпопея, — сказал в своей приветственной речи Б. Завальна, — является чрезвычайно важным уроком для деятелей театра. Мы, работники театра, призванные в своем искусстве показывать новые идеи, новое, советского человека, сумеем ли мы выполнять эту задачу в том случае, если, играя на сцене любого человеческого характера, красноречива, колдованна или спонтанна, предельно интереса рабочего класса, мы при этом создаем образ героя-летчика.

Героическая эпопея «Челюскинцев» показала нам, какие потенциальные силы и возможности таит в каждом сыне рабочего класса, в каждом сыне великой советской родины.

Во время атак и после спектакля в фойе были дирекции театра, за чашкой чая, происходили дружеские беседы Челюскинцев и вахтанговцев.

В кинотеатре театры с Челюскинцами писали свои впечатления о спектакле «Интервенция».

ПИСАТЕЛЬСКИЕ СЪЕЗДЫ И КОНФЕРЕНЦИИ

Горьковский край

ГОРЬКИЙ, 21 июня. (По телефону от наш. корр.) Вечернее заседание краевой конференции писателей 19 июня прошло в клубе соцгорода автозавода им. Молотова. В зале клуба была организована выставка советской художественной литературы, а накануне этого заседания автозаводская библиотека провела сбор предложений рабочих-ударников к называемой конференции и всеобщему съезду писателей.

С докладом о задачах советской литературы выступил т. Исбах. Тепло встретили аудиторию выступление А. Гидаша, который прочел ряд своих стихотворений.

Утреннее заседание конференции 20 июня было посвящено докладу т. Коробельникова, который дал анализ произведения Горьковского края. Тов. Коробельников совершенно справедливо меньше всего говорил о творческих победах, а конкретно разбирая произведения Кочина, Шкатова, Муратова, Костина, Новожилова и др., выявил ряд больших недостатков в этих произведениях, резко поставил вопрос о повышении качества творчества писателей перед читателем.

Заканчивая свой доклад, т. Коробельников подчеркнул, что Горьковский край должен быть тем, где разнообразие людей и типов, и при этом выманим, которое оказывает художнику слова красной комитет партии, писатели должны создать произведения, которые являются ценным вкладом в советскую литературу.

На вечернем заседании 20 июня были заслушаны доклады т. Рюрикова о поэзии и т. Барсукова о драматургии.

20 июня после окончания вечернего заседания делегаты краевой конференции советских писателей встретились с руководящими работниками краевой комитет партии. В встрече участвовали секретари краевой комитет т.т. Пранкин и Столяр, заведующий отделом культуры и пропаганды Ленинград т. Берман, заведующий сельхозкооперативным отделом т. Попов, заведующий сектором искусства и литературы т. Л. Шмидт, представитель ЦК ВКП(б) т. Архипов, секретарь краевой комитет комсомола т. Белобородов, Вс. Иванов, Исбах, Гидаш, Коробельников, Кочин, Муратов.

Т. Пранкин и Столяр отметили перед писателями конкретные задачи дальнейшего участия в социалистическом строительстве оренбургского края. О показе молодого человека нашего времени говорил т. Белобородов.

Сегодня, 21 июня, на конференции развлеклись прения по докладу о прозе, поэзии и драматургии края.

Сегодня вечером после разрешения ряда организационных вопросов конференции писателей Горьковского края заканчивают свою работу.

А. ЛИТВИН.

Западная Сибирь

19 июня в Новосибирске открылся первый краевой съезд советских писателей. В почетный президиум съезда избраны члены Политбюро ЦК ВКП(б) по главе с т. Сталиным, А. М. Горьким, т. Тельман и Э. К. Доклад о советской литературе сделал т. С. Березовский.

Писатели приветствовали ЦК ВКП(б) и т. Сталина, А. М. Горькому и всеобщему Оргкомитету советских писателей. (Рост).

В номере от 16 июня мы напечатали заметку «Первые страницы истории метро». К сожалению, редакция была вынуждена в заключение «Истории метро», давней непереведенной о положении дела с книгой по истории метрополитана.

1. Редакция «Истории метро», вышедшей в Метрополитане для организации и сбора материалов в книге «История метро», с самого начала своей работы разбиралась в том, что на целый ряд объектов, одновременно работавших на пятью самостоятельными книгами, организуя нужные, парадные заседания и сеты в ущерб основной задаче. «Вольнолюбивые массовые мероприятия, проводимые редакцией «Истории метро», — пишет в письме в редакцию «Истории метро» рабочий-автор Метрополитана т. Л. Тютчев, — носят формальный характер. Редакция занимается лишь о шумке и трескотне, не интересуясь содержанием результатов и прежде всего интересам лишь тем, чтобы блеснуть еще одним вечером или слезом в очередном своем отчете или статье».

«Из 41 мероприятия, намеченных редакцией «Истории метро» на апрель-май, — пишет нам т. Медынский, — выполнено полностью только 6, частично выполнено 5 и не выполнено 31. Из намеченных по плану 33 беседы со строителями метро проведено только 8».

Я утверждал, — пишет т. Медынский, — что в «Истории метро» нет и не может быть творческой атмосферы, за которую борется сейчас вся наша литературная общественность.

Сборник рассказов и очерков о метро, якобы печатаемый в библиотеке «Огонек», на самом деле к печати не принят.

Качество имеющихся дневников издательства «Огонек» и материалы, авторами которых мы ознакомились с объявлением к изданию дневников метрополитана т. Салопникова. В этой книге встречаются такие строки:

«Сейчас он был похож на Пушкина, и худощавое его миниатюрное личико, перекинутое молодыми усилиями, слегка вспотев, пердевалось».

Будет ли издана рукопись иностранного рабочего т. Милья, еще неизвестно. Подлинным руководством автор не обеспечен, качество его рукописи не ясно.

Сборник рассказов и очерков о метро, якобы печатаемый в библиотеке «Огонек», на самом деле к печати не принят.

Качество имеющихся дневников издательства «Огонек» и материалы, авторами которых мы ознакомились с объявлением к изданию дневников метрополитана т. Салопникова. В этой книге встречаются такие строки:

«Сейчас он был похож на Пушкина, и худощавое его миниатюрное личико, перекинутое молодыми усилиями, слегка вспотев, пердевалось».

Будет ли издана рукопись иностранного рабочего т. Милья, еще неизвестно. Подлинным руководством автор не обеспечен, качество его рукописи не ясно.

Сборник рассказов и очерков о метро, якобы печатаемый в библиотеке «Огонек», на самом деле к печати не принят.

Качество имеющихся дневников издательства «Огонек» и материалы, авторами которых мы ознакомились с объявлением к изданию дневников метрополитана т. Салопникова. В этой книге встречаются такие строки:

«Сейчас он был похож на Пушкина, и худощавое его миниатюрное личико, перекинутое молодыми усилиями, слегка вспотев, пердевалось».

Будет ли издана рукопись иностранного рабочего т. Милья, еще неизвестно. Подлинным руководством автор не обеспечен, качество его рукописи не ясно.

Сборник рассказов и очерков о метро, якобы печатаемый в библиотеке «Огонек», на самом деле к печати не принят.

Качество имеющихся дневников издательства «Огонек» и материалы, авторами которых мы ознакомились с объявлением к изданию дневников метрополитана т. Салопникова. В этой книге встречаются такие строки:

«Сейчас он был похож на Пушкина, и худощавое его миниатюрное личико, перекинутое молодыми усилиями, слегка вспотев, пердевалось».

Будет ли издана рукопись иностранного рабочего т. Милья, еще неизвестно. Подлинным руководством автор не обеспечен, качество его рукописи не ясно.

Сборник рассказов и очерков о метро, якобы печатаемый в библиотеке «Огонек», на самом деле к печати не принят.

Качество имеющихся дневников издательства «Огонек» и материалы, авторами которых мы ознакомились с объявлением к изданию дневников метрополитана т. Салопникова. В этой книге встречаются такие строки:

«Сейчас он был похож на Пушкина, и худощавое его миниатюрное личико, перекинутое молодыми усилиями, слегка вспотев, пердевалось».

Будет ли издана рукопись иностранного рабочего т. Милья, еще неизвестно. Подлинным руководством автор не обеспечен, качество его рукописи не ясно.

Сборник рассказов и очерков о метро, якобы печатаемый в библиотеке «Огонек», на самом деле к печати не принят.

Качество имеющихся дневников издательства «Огонек» и материалы, авторами которых мы ознакомились с объявлением к изданию дневников метрополитана т. Салопникова. В этой книге встречаются такие строки:

КАК СЛОЖИЛИ ПЕСНЮ

Над-дней выходит альманах ГОД XVII

СОДЕРЖАНИЕ:

Василий Гроссман — Глоуха. Константин Паустовский — Колхоз. Я. Рыктер — Об уважении к прошлому. Вячеслав Ковалевский — Салопники. Ирина Эрбурт — Литературная школа. И. Соконин-Михайлов — Списание корабля. Л. Лесков — Административная Грания. Вера Яковлева — О матери Архистрофе Флорентии. Е. Же — О черном человеке Федоре Коне. Е. Же — Героическая жизнь архитектора Василия Ивановича Баженова.

С. Маршал — Дети отвечают Горькому. Е. Добин — Героика масс и оптимизм борьбы. ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА».

Изд-во «СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» выходит из печати и над-дней рассылается подписчикам и поступает в продажу № 5 ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ЖУРНАЛА ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ, КРИТИКИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК» в номере: ПЕРВЫЙ ВСЕОБЩЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Теория и история литературы. М. Розенталь — Еще раз о мировоззрении в художественном творчестве. Н. Ральенский — Литературная наука. М. Корнеев — Роль Толстого и социология Эйзенштейна. А. Н. Луначарский — Гейне-мистификатор. Критика. Р. Мессер — А. Толстой и проблема исторического романа. Ф. Бутенко — Между Достоевским и Маминим-Сибиряком. («Горький-река» Шинкина). Н. Эйзенштейн — Буржуазный реализм на последнем этапе (Голосуров). Т. Трубунов. О. Брай — О полете творческих объединений. Д. Талышников — Перспективы бытового. Георгий Чулков — Новый Тютчев.

Дневник критика. Театральные дневники. Обзоры и обзоры. Г. Холлов — Значительная или минимальная наблюдательность. Г. Холлов — Поэтический роман Я. Ильина. В. Соболев — Ворота в простор. В. Иванов — Поэты «Медведя». А. Дерман — Историко-революционная хроника. И. Сергеевский — Вениктин в издании «Академия». Ф. Шалер — Новое издание сотенный Флора. Сатера в юмор. Дотошный тителет — Развлекатель сти-лист.

Хроника. Н. Мауцен — 1933 литературный год. М. Бурский — Чтение. Обозначения и провозглашения художественного слова. Условия подписки: на 12 мес. — 24 р., 6 мес. — 12 р., 3 мес. — 6 р., 1 м. — 3 р. Подписка принимается в почтовых отделениях, письменно, а также в отделениях, упомянутых, книжками КОГИЗ.

Над-дней выходит альманах ГОД XVII (4-й номер)

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-61-69.

РЕДАКЦИЯ. Москва, Тверской бульвар, 25 Дом Горького. 3-й этаж, тел. 1-30-63 и 2-80-12.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

Над-дней выходит альманах ГОД XVII (4-й номер)

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-61-69.

РЕДАКЦИЯ. Москва, Тверской бульвар, 25 Дом Горького. 3-й этаж, тел. 1-30-63 и 2-80-12.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

Над-дней выходит альманах ГОД XVII (4-й номер)

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-61-69.

РЕДАКЦИЯ. Москва, Тверской бульвар, 25 Дом Горького. 3-й этаж, тел. 1-30-63 и 2-80-12.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

Над-дней выходит альманах ГОД XVII (4-й номер)

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-61-69.

РЕДАКЦИЯ. Москва, Тверской бульвар, 25 Дом Горького. 3-й этаж, тел. 1-30-63 и 2-80-12.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

Над-дней выходит альманах ГОД XVII (4-й номер)

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-61-69.

РЕДАКЦИЯ. Москва, Тверской бульвар, 25 Дом Горького. 3-й этаж, тел. 1-30-63 и 2-80-12.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

Над-дней выходит альманах ГОД XVII (4-й номер)

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-61-69.

РЕДАКЦИЯ. Москва, Тверской бульвар, 25 Дом Горького. 3-й этаж, тел. 1-30-63 и 2-80-12.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

Над-дней выходит альманах ГОД XVII (4-й номер)

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-61-69.

КАК СЛОЖИЛИ ПЕСНЮ

Над-дней выходит альманах ГОД XVII

СОДЕРЖАНИЕ:

Василий Гроссман — Глоуха. Константин Паустовский — Колхоз. Я. Рыктер — Об уважении к прошлому. Вячеслав Ковалевский — Салопники. Ирина Эрбурт — Литературная школа. И. Соконин-Михайлов — Списание корабля. Л. Лесков — Административная Грания. Вера Яковлева — О матери Архистрофе Флорентии. Е. Же — О черном человеке Федоре Коне. Е. Же — Героическая жизнь архитектора Василия Ивановича Баженова.

С. Маршал — Дети отвечают Горькому. Е. Добин — Героика масс и оптимизм борьбы. ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА».

Изд-во «СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» выходит из печати и над-дней рассылается подписчикам и поступает в продажу № 5 ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ЖУРНАЛА ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ, КРИТИКИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК» в номере: ПЕРВЫЙ ВСЕОБЩЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Теория и история литературы. М. Розенталь — Еще раз о мировоззрении в художественном творчестве. Н. Ральенский — Литературная наука. М. Корнеев — Роль Толстого и социология Эйзенштейна. А. Н. Луначарский — Гейне-мистификатор. Критика. Р. Мессер — А. Толстой и проблема исторического романа. Ф. Бутенко — Между Достоевским и Маминим-Сибиряком. («Горький-река» Шинкина). Н. Эйзенштейн — Буржуазный реализм на последнем этапе (Голосуров). Т. Трубунов. О. Брай — О полете творческих объединений. Д. Талышников — Перспективы бытового. Георгий Чулков — Новый Тютчев.

Дневник критика. Театральные дневники. Обзоры и обзоры. Г. Холлов — Значительная или минимальная наблюдательность. Г. Холлов — Поэтический роман Я. Ильина. В. Соболев — Ворота в простор. В. Иванов — Поэты «Медведя». А. Дерман — Историко-революционная хроника. И. Сергеевский — Вениктин в издании «Академия». Ф. Шалер — Новое издание сотенный Флора. Сатера в юмор. Дотошный тителет — Развлекатель сти-лист.

Хроника. Н. Мауцен — 1933 литературный год. М. Бурский — Чтение. Обозначения и провозглашения художественного слова. Условия подписки: на 12 мес. — 24 р., 6 мес. — 12 р., 3 мес. — 6 р., 1 м. — 3 р. Подписка принимается в почтовых отделениях, письменно, а также в отделениях, упомянутых, книжками КОГИЗ.

Над-дней выходит альманах ГОД XVII (4-й номер)

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-61-69.

РЕДАКЦИЯ. Москва, Тверской бульвар, 25 Дом Горького. 3-й этаж, тел. 1-30-63 и 2-80-12.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

Над-дней выходит альманах ГОД XVII (4-й номер)

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-61-69.

РЕДАКЦИЯ. Москва, Тверской бульвар, 25 Дом Горького. 3-й этаж, тел. 1-30-63 и 2-80-12.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

Над-дней выходит альманах ГОД XVII (4-й номер)

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-61-69.

РЕДАКЦИЯ. Москва, Тверской бульвар, 25 Дом Горького. 3-й этаж, тел. 1-30-63 и 2-80-12.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

Над-дней выходит альманах ГОД XVII (4-й номер)

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-61-69.

РЕДАКЦИЯ. Москва, Тверской бульвар, 25 Дом Горького. 3-й этаж, тел. 1-30-63 и 2-80-12.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

Над-дней выходит альманах ГОД XVII (4-й номер)

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-61-69.

РЕДАКЦИЯ. Москва, Тверской бульвар, 25 Дом Горького. 3-й этаж, тел. 1-30-63 и 2-80-12.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

Над-дней выходит альманах ГОД XVII (4-й номер)

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-61-69.

РЕДАКЦИЯ. Москва, Тверской бульвар, 25 Дом Горького. 3-й этаж, тел. 1-30-63 и 2-80-12.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

Над-дней выходит альманах ГОД XVII (4-й номер)

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-6